

В. А. Антоненц

Архетипические представления о мужчине в творчестве В. Т. Шаламова

Классификация архетипов, разработанная К. Г. Юнгом, традиционно исследуется в контексте описания образа вымышленного персонажа. Это обуславливается отчасти тем, что архетип исключает возможность дихотомии характера, в то время как реальный человек не может от нее отказаться. В данной работе рассматривается фигура советского писателя-диссидента В. Т. Шаламова, а также его автобиографический герой «Колымских рассказов». Особенность исследования заключается не в отражении архетипического образа в целом, но в воплощении его отдельных черт, характерных для Шаламова-писателя и Шаламова-героя. В статье отражены такие воплощения этих черт, как «герой», «калека», «ребенок».

Характерными же проявлениями архетипических черт мужчины выступают тело, эмоции и поступки. Тело, в данном случае, является фактором, маркирующим индивидуума как «человека» и «не человека», кроме того, выполняет защитную функцию в процессе сохранения действительно важного для персонажа: его разума и чувств.

Исследование доказывает формирование связи между представлениями о мужчине и человеке в целом. При этом категория «мужчина», по мнению В. Т. Шаламова, не может существовать вне представлений о человеке и человечности.

Ключевые слова: архетип, К. Г. Юнг, В. Т. Шаламов, «Колымские рассказы», мужчина, человечность, тело, бытие.

V. A. Antonets

The Archetypal Idea about the Man as the Foundation of Humanity in V. T. Shalamov's Works

The classification of archetypes by C. G. Jung is traditionally studied in the context of describing the image of a fictional character. Partly this causes to the fact that the archetype excludes the possibility of the dichotomy of nature, while the real person is unable to give it up. In this paper we consider the figure of the Soviet writer-dissident Varlam Shalamov, as well as his autobiographical hero of «The Kolyma stories». The peculiarity of this study consists in reflection, not the archetypal image of the whole, but the embodiment of its separate features characteristic for the Shalamov-writer and the Shalamov-hero. The article reflects such embodiment of these features as «the hero», «the cripple», «the child».

Typical manifestations of the archetypal features for men are the body, emotions and actions. The body, in this case, is a factor characterizing the individual as a «person» and «not human», also performs a protective function in the process of saving really important things for the character: his intellect and feelings.

The study shows the formation of connections between concepts «man» and «person» in general. In this case, the category «man», according to V. T. Shalamov, can't exist beyond the concept of person and humanity.

Keywords: an archetype, C. G. Jung, V. T. Shalamov, «The Kolyma stories», a man, humanity, a body, existence.

Следуя за традицией К. Г. Юнга в формировании и осмыслении понятия «архетип», необходимо, в первую очередь, отметить сфокусированность исследователя на фигуре, образе и воплощении человека в силу многообразия исполняемых им социальных ролей, а также психофизиологических мотивов поведения. Объектом исследования в данной работе является воплощение мужского архетипа.

Для «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова характерно доминирование мужских образов над женскими, кроме того, исследователь может анализировать формирование представления о человеке и человечности через призму взаимоотношений людей, погруженных в ограниченное, враждебное пространство.

К. Г. Юнг не пишет о мужчине как о целостном объекте исследования, но наделяет его кон-

кретными характеристиками («муж», «герой», «мудрец»), выделяя лишь определенное качество личности. Тем не менее, мы считаем, что можно говорить об абстрактном персонаже, воплощающем черты архетипического мужчины.

Отталкиваясь от исследования Т. С. Злотниковой, мы отмечаем, что на формирование архетипических представлений оказывает влияние не только и не столько внешнее воплощение героя, сколько его душевные искания и реакции на воздействие окружающей среды: «Архетипы представляют собой системы установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями» [7].

Так, для анализа автобиографического героя В. Т. Шаламова необходимо проанализировать его внешнее воплощение, а также «эмоции» [7],

характерные для персонажа, значимые для него в аспекте представлений о человечности.

Для формирования объективного представления о внешности человека необходимо обратиться к его автопортрету и описаниям современников. Мы утверждаем, что для В. Т. Шаламова внешность не имела первостепенного значения.

Главным образом, значение тела ограничивается влиянием на внутреннее состояние героя. Тем не менее, бесконечная изнеможенность заставляет автора признавать тело единственной реальностью, имеющей место в условиях заключения.

Конечно, и сам В. Т. Шаламов подвергся этому разрушительному влиянию лагеря. В «Колымских рассказах» автор редко вербализирует свой облик. Пожалуй, самое яркое описание мы встречаем в рассказе «Домино»: «Мой рост – сто восемьдесят сантиметров, мой нормальный вес – восемьдесят килограммов. Вес костей – сорок два процента общего веса – тридцать два килограмма. В этот ледяной вечер у меня осталось шестнадцать килограммов, ровно пуд всего: кожи, мяса, внутренностей и мозга» [4, с. 150]. Тело воспринимается как преграда, защита действительно важного: личностных ценностей и установок.

Для формирования объективного представления о внешности и отношении к ней В. Т. Шаламова необходимо обратиться к сторонним характеристикам образа писателя. Из воспоминаний Ирины Сиротинской мы можем сделать вывод о физическом облике писателя, прошедшего ГУЛАГ. «Первое впечатление от Варлама Тихоновича – большой. И чисто физический облик: высокий, широкоплечий, и ощущение ясное незаурядной, крупной личности с первых же слов, с первого взгляда» [3]. «Дверь передо мной распахнул настезь высокий ярко-голубоглазый человек с глубокими морщинами на обветренном лице. Викинг! (В книжности В. Т. меня упрекал, но “викингом” ему быть нравилось, даже в стихи это вошло)» [3]. Физическое воплощение сильного мужчины, в восприятии женщины, возвращает исследователя к архетипу «герой», обозначенному К. Г. Юнгом. Следует отметить, что внешность здесь снова выступает основанием для психологической характеристики человека.

Тем не менее, возвращаясь к проблематике выявления архетипа, а точнее архетипических черт, следует отметить, что, по К. Г. Юнгу, «архетипы имеют не содержательную, но исключи-

тельно формальную характеристику... Важно понять, что речь идет именно о схемах, а никак не о настоящих образах» [2, с. 39]. Таким образом, реальный человек может воплощать в своей личности несколько архетипов.

В. Т. Шаламов, по описанию Ирины Сиротинской, также представлялся как «жалкий, злой калека, непоправимо раздавленная душа» [3]. И еще: «маленький беззащитный мальчик, жаждущий тепла, забот, сердечного участия». Последнее сравнение она использует, апеллируя к обращенной ей фразе: «Я хотел бы, чтобы ты была моей матерью» [3].

Даже для самого лучшего, по его же признанию, друга, самого близкого человека В. Т. Шаламов оставался не просто разным, но наделялся взаимоисключающими качествами (герой – ребенок; викинг – калека).

Интересно определение «викинг», которое И. Сиротинская дала В. Т. Шаламову. Сильный духом, борющийся со стихией человек, с ясным взглядом, готовый отдать жизнь в борьбе. Не зря данное определение нравилось писателю.

В воспоминаниях Людмилы Зайвая мы также видим изображение В. Т. Шаламова: «У него были пронзительные синие глаза <...> Он ходил в ботинках на босу ногу, брюки не доставали до щиколотки – с его ростом он не мог просто купить себе подходящую одежду. Пиджак надет на голое тело <...> Только лицо <...> – крепкое, сильное. <...> И был очень худой – все в нем сгорало» [1]. Юлий Шрейдер пишет: «Мое первое впечатление от встречи с Варламом Шаламовым было: как он прекрасен! Красивое, очень русское, чисто выбритое лицо северного типа с твердыми чертами, выразительный низкий голос, с неповторимыми интонациями заинтересованности в предмете беседы, статная фигура, значимость каждого слова» [5]. Из этих отрывков мы снова видим, что тело выступает в роли оболочки, в которой содержатся действительно важные категории: душа (нравственность) и разум. Само по себе оно не первостепенно для В. Т. Шаламова.

Тем не менее, физическая оболочка часто выступала в качестве определяющего фактора, помогающего отличить настоящего человека. Для В. Т. Шаламова понятия «человек» и «мужчина» смежные и рассматриваются в аспекте оторванности от сугубо гендерных характеристик. Здесь мы ни в коем случае не пренебрегаем фигурой женщины, лишь говорим о том, что мировоззрение автора не допускает возможности существо-

вания категории «мужчина» вне представлений о человечности.

Об этом свидетельствует отношение автора к особому типу заключенных: блатным. Как пишет Е. А. Шкловский, «писатель твердо заявляет: настоящие блатари – не люди, в них не осталось ничего человеческого, все выжжено, искажено воровскими законами. Они – воплощение зла» [6, с. 43]. Как бы доказывая отсутствие человеческих черт у таких персонажей, В. Т. Шаламов даже внешне описывает героя-блатаря, вызывая у читателя неприятные эмоции: «грязная рука с тонкими, белыми, нерабочими пальцами. Ноготь мизинца был сверхъестественной длины – тоже блатарский шик, так же, как “фиксы” – золотые, то есть бронзовые, коронки, надеваемые на вполне здоровые зубы. <...> Холеный желтый ноготь поблескивал, как драгоценный камень. Левою рукой хозяин ногтя перебирал липкие и грязные светлые волосы. Он был подстрижен “под бокс” самым аккуратнейшим образом. Низкий, без единой морщинки лоб, желтые кустики бровей, ротик бантиком – все это придавало его физиономии важное качество внешности вора: незаметность» [4, с. 7–8]. Автор нарочно использует слово «физиономия» для усиления дихотомии человека и «не человека».

В данном случае автор противопоставляет себя данной группе людей, а исследователь, видя эти различия и воспринимая «шаламовского» героя как воплощение архетипа мужчины, не находит составляющих этот архетип черт в блатных.

Кроме внешних проявлений, архетипичность выражается в поступках и эмоциях героя. Ведь если физическое измождение ведет к разрушению бытийных основ, сущности человека, мы можем говорить о том, что тело определяет человеческое бытие.

В исследовании Т. С. Злотниковой подчеркивается, что «мужской архетип характеризуется сдержанностью», ему свойственно «стремление к особой чувствительности» [2, с. 36]. Не секрет, что в условиях колымских лагерей заключенные нечасто проявляли собственные эмоции: «Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания» [4, с. 41–42]. Тем не менее, мы можем наблюдать молчаливую ненависть к надзирателям, конвойным, блатным. Особенно четко это проявляется в рассказе «Сука Тамара». Когда

начальник опергруппы Назаров застрелил собаку, ставшую отдушиной для всех живущих в лагере, В. Т. Шаламов пишет: «Иногда исполняются желания, а может быть, ненависть всех пятидесяти человек к этому начальнику была так страстна и велика, что стала реальной силой и догнала Назарова» [4, с. 73]. Ненависть не проявляется активно, она не кипит во вне, но горит в каждом жителе лагеря. Она «стала реальной силой», но не была таковой изначально.

Кроме «особой чувствительности», по мнению К. Г. Юнга, для сдержанности мужчины характерно то, что «сдержанный аффект действует <...> изолирующе и <...> дезорганизующе...» [7]. Эти разрушительные результаты подавленных эмоций мы также находим в прозе В. Т. Шаламова. Изоляция как фактор наблюдается уже на первых страницах «Колымских рассказов» и проявляется в форме экзистенциального вакуума, характерного для героя В. Т. Шаламова. Этот вакуум воплощается в лаконичной, безэмоциональной речи персонажа, минимальных движениях и фактическом отсутствии чувств. Дезорганизация как синоним разрушения также проявляется в текстах «Колымских рассказов», и разрушение здесь носит не только абстрактный характер: разрушение семьи, когда дочь отказывается от отца (рассказ «Апостол Павел»), разрушение привычного социального строя, в котором самоорганизуется значительная по количеству представителей общность блатных, разрушение душ людей, их ценностей. Кроме того, разрушение наделяется качеством материальности: внешние факторы (суровый климат, изнурительный труд) убивают человека, и сами герои готовы наносить увечья, лишь бы быть освобожденными от ежедневных работ (рассказ «Дождь»).

Несмотря на то, что такой тип поведения обусловлен экстремальными условиями, в которые погружен автобиографический герой В. Т. Шаламова, мы утверждаем, что это не сугубо временные проявления, но «системы установок» [7], характерные для личности автора, в том числе после лагеря.

Об этом свидетельствуют воспоминания друзей В. Т. Шаламова, а также исследователей его личности и творчества.

Человечность как базовое качество личности становится результатом того самого «стремления к чувствительности» [2, с. 36]. Иными словами, если человек как представитель вида не обладает этой «чувствительностью», по мнению

В. Т. Шаламова, он не может стать человеком в философском смысле данного слова. При этом человечность проявляется, в первую очередь, в чувстве собственного достоинства, которое может трансформироваться в гордость и принятие остальных людей равными себе.

Таким образом, следуя логике рассуждений, мы считаем, что гордость – также является одним из аспектов мужского архетипа. Л. Зайва вспоминает, как однажды В. Т. Шаламов попросил ее купить для него пиджак. Она не могла найти нужного размера и согласилась взять у друзей несколько почти не ношенных костюмов. В. Т. Шаламов от них отказался: «Нет. Я с чужого плеча не надену» [1]. Гордость становится фактором, удерживающим писателя от какой-либо зависимости от других, от возможности чувствовать себя должным.

Еще большее напряжение в этом отрицании зависимости можно наблюдать в отказе быть помещенным в дом престарелых. Здесь проявление «сдержанности» граничит со стоической готовностью умереть в одиночестве лишь бы не чувствовать себя беспомощным (не физически, а социально). И когда все-таки его туда привозят, В. Т. Шаламов, тем не менее, не теряет человечности, проявляющейся в ясности рассудка и гордости: «В конце концов его повезли в интернат для психохроников, привязав к стулу и без верхней одежды, несмотря на морозный день. Через несколько дней он умер от воспаления легких. На соседней койке лежал прокурор сталинских времен, поедавший собственные экскременты» [5].

Не стоит забывать о том, что архетип мужчины – не образ, а «система установок <...> эмоций» [7], воплощением которой не был В. Т. Шаламов, но проявления которой можно проследить в его творчестве и судьбе.

Таким образом, следуя типологизации архетипов К. Г. Юнга, мы можем говорить, что выделенный ученым архетип мужчины воплощается в личности и художественном творчестве В. Т. Шаламова. Писатель и его автобиографический герой обладают присущими архетипичному представлению о мужчине чертами (герой, мудрец), кроме того, воспринимают данные черты

как смыслообразующие качества личности, служащие основанием ее человечности.

Библиографический список

1. Общая газета. – 1996. – 11–17 июля. – № 27. – С. 16.
2. Коды массовой культуры: российский дискурс: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с., илл.
3. Сиротинская, И. П. Мой друг Варлам Шаламов [Электронный ресурс] / И. П. Сиротинская. – Режим доступа: <http://shalamov.ru/authors/7.html>, свободный. Проверено 07.01.16
4. Шаламов, В. Т. Колымские рассказы [Текст] / В. Т. Шаламов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – С. 384.
5. Шаламовский сборник. Вып. 1 [Текст] / сост. В. В. Есипов. – Вологда, 1994. – С. 203–207.
6. Шкловский, Е. А. Варлам Шаламов [Текст] / Е. А. Шкловский. – М., 1991. – С. 34–46.
7. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/yung_karl_gustav/problemi_dushi_nashego_vremeni/read, свободный. Проверено 07.01.16

Bibliograficheski spisok

1. Obshhaja gazeta. – 1996. – 11–17 ijulja. – № 27. – S. 16.
2. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs: kolektivnaja monografija [Tekst] / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. – Jaroslavl': RIO JaGPU, 2015. – 240 s., ill.
3. Sirotinskaja, I. P. Moj drug Varlam Shalamov [Jelektronnyj resurs] / I. P. Sirotinskaja. – Rezhim dostupa: <http://shalamov.ru/authors/7.html>, svobodnyj. Provereno 07.01.16
4. Shalamov, V. T. Kolymskie rasskazy [Tekst] / V. T. Shalamov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. – S. 384.
5. Shalamovskij sbornik. Vyp. 1 [Tekst] / sost. V. V. Esipov. – Vologda, 1994. – S. 203–207.
6. Shklovskij, E. A. Varlam Shalamov [Tekst] / E. A. Shklovskij. – M., 1991. – S. 34–46.
7. Jung, K. G. Problemy dushi nashego vremeni [Jelektronnyj resurs] / K. G. Jung. – Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/yung_karl_gustav/problemi_dushi_nashego_vremeni/read, svobodnyj. Provereno 07.01.16